

В.Д. Разинская

Пермский государственный технический университет

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Дан сравнительный анализ различных теоретических подходов к изучению взаимодействия культуры и социальной структуры. Приводятся результаты региональных социологических исследований, раскрывающих характер культурных различий в российском обществе.

В основе проблемы взаимодействия, соотношения культуры и социальной структуры лежат различные представления о природе социального неравенства, т.е. обусловлено ли оно социально-экономическим расслоением общества или культурной дифференциацией.

С точки зрения марксизма культура общества производна от его экономического базиса, а социально-экономическое положение того или иного класса, слоя, индивида определяет его культуру. Социальное неравенство обуславливает неравенство культур. Из этого следует, что культурные различия имеют преимущественно уровневый характер. Уровень культуры, понимаемый как степень приобщения социального субъекта к культуре общества, ее достижениям и мера ее освоения, отражает социальную неравномерность распределения культуры в обществе. К. Мангейм использует термины «социальная неравномерность» и «социальная диспропорциональность», когда пишет о распределении рациональности и иррациональности в массах и элите, о недостаточном духовном развитии масс, низком уровне их политического образования [1, с. 287, 289]. По нашему мнению, они могут быть применены и к культурным различиям классового и социально-слоевого происхождения.

Уровневые различия проявляются в том, что классы, социальные группы и слои населения имеют неодинаковый доступ к культурным ценностям, особенно к ценностям «высокой» культуры. Различия в процессе культурного потребления в современных условиях связаны не столько с объемом потребляемой культурной информации, сколько с ее содержанием и глубиной усвоения.

Еще более существенные различия прослеживаются в соотношении потребления культуры и культуротворчества. Происходит как бы обособление функций личности при взаимодействии с культурой в деятельности определенных классов и слоев. Творчество, в том числе организационное, является в основном прерогативой интеллигенции, предпринимателей и управленческого слоя как их особая профессиональная функция. Другие социальные

группы выступают главным образом в роли потребителей культуры. Их творческая деятельность осуществляется на непрофессиональном уровне, что нередко наблюдается даже в профессиональной сфере. Художественное непрофессиональное творчество развивается чаще всего не на собственной основе, а заимствует образцы профессионального творчества, воспроизводя их на более низком уровне. Кроме того, профессиональное художественное творчество подразделяется на творчество, ориентированное на собственный слой, и на творчество, ориентированное на массы.

Различная степень творческой активности ограничивает возможности некоторых социальных групп для передачи своей культуры другим социальным группам, их влияние на тенденции развития культуры общества в целом.

Социально-классовая принадлежность обуславливает также культурные различия другого рода, так как у классов и слоев есть особые интересы, цели, ценности. Но все же доминируют уровневые различия в связи с сохранением вертикального, иерархического строения общества.

Противоположной вышеизложенной является точка зрения, согласно которой культуре принадлежит ведущая роль по отношению к экономическому развитию и социальной структуре.

М. Вебер рассматривал протестантскую религию в качестве источника формирования «духа капитализма» – капиталистического по своей сути умонастроения, такого строя мышления, для которого характерно «представление о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек...ощущает по отношению к своей «профессиональной» деятельности... систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии» [2, с. 76, 85]. Тем самым протестантская религия подталкивала к занятию предпринимательством, к достижению хозяйственного успеха.

«Духу капитализма» противостоял традиционализм, который представлял собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в «этическом» облики, когда «человек „по своей природе“ не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни» [2, с. 81]. Следовательно, традиционализм обуславливал низкий уровень потребностей, невосприимчивость к экономическим стимулам и нежелание улучшать свое положение.

Хотя «дух капитализма» больше присущ предпринимателям, а традиционализм – наемным работникам, данные культурные различия, имеющие содержательный характер, не являются заданными классовой принадлежностью, так как культура обеих групп неоднородна. Вебер приводит в качестве примера работниц, получивших специфически религиозное воспитание, которые отличались приверженностью идее «долга по отношению к труду», что сочеталось у них со строгой хозяйственностью. «Здесь мы находим наиболее

приятную почву для того отношения к труду как к самоцели, как к „призванию“, которое необходимо капитализму, наиболее благоприятные для преодоления рутины традиционализма условия, сложившиеся вследствие религиозного воспитания» [2, с. 83]. В то же время некоторые предприниматели вели хозяйство, которое было капиталистическим только по форме организации, но не по духу. М. Вебер, а также В. Зомбарт отмечали такие черты традиционализма в среде предпринимателей: отношение к предпринимательской деятельности не как к цели, а как к средству, что проявлялось в сохранении идеала рантье; низкая деловая активность; отрицательное отношение к конкуренции и рекламе; традиционное ведение дел; стремление к спокойной жизни. Вследствие ужесточения конкуренции со стороны предпринимателей нового типа, которые рационализировали свою деятельность, предприниматели старого типа оказывались перед дилеммой: коренным образом перестроить порядок ведения дел и образ жизни в целом или разориться. По мнению Вебера, этот переворот чаще всего совершал не приток новых денег, а вторжение нового духа.

При всем различии реалистического и номиналистического подходов они по сути не исключают друг друга. Складывается представление о процессе общего взаимодействия.

К теориям, в которых рассматривается не одностороннее влияние социальной структуры на культуру или культуры на социальную структуру, а их взаимодействие, относится теория П. Бурдьё.

Бурдьё не отрицает существования в социальной системе объективных структур, которые не зависят от сознания и воли индивидов и которые выступают по отношению к их стремлениям и действиям в качестве стимулов. Социальная среда, в которой происходит процесс социализации, а это в том числе статус родительской семьи, производит габитус как «систему прочных приобретенных предрасположенностей», исходных установок, в последующем организующих практики индивидов. Социально обусловленные различия в габитусах определяют уровень и направленность социальных притязаний. «Такая предрасположенность, всегда отмеченная (социальными) условиями ее приобретения и реализации, обычно приспособлена к объективным шансам удовлетворения потребностей или желаний ... и, таким образом, играет важную роль в процессах, направленных на создание вероятной реальности» [3, с. 31].

Шансы зависят от обладания капиталами: экономическим, социальным, культурным и символическим. Применительно к рассматриваемой проблеме нас более всего интересуют социальный и культурный капиталы. Социальный капитал означает наличие средств, связанных с принадлежностью к определенной социальной группе. Следовательно, чем выше исходная социальная позиция (по происхождению) и собственное социальное положение, тем больше возможностей воспользоваться потенциальными правами и реализовать свои

стремления и притязания. Культурный капитал включает в себя уровень и качество образования, авторитет учебного заведения, в котором оно получено, уровень культуры человека, а от этого зависит конкурентоспособность на рынке труда. Культурный капитал представляется наиболее ценным, поскольку его труднее приобрести, даже располагая другими капиталами.

Одно из основных положений теории Бурдьё состоит в том, что социальные структуры создаются социальными практиками агентов. Приобретенные ранее предрасположенности действовать определенным образом служат источником активности и «формируют социального агента как истинно практического оператора конструирования объектов» [4, с. 28].

Признавая классовую структуру общества, Бурдьё выясняет, как культура, формируя классовые идентификации, начинает играть все большую роль в воспроизводстве социальной структуры. Его подход «демонстрирует, что культура, независимо от предполагаемой социально-экономической матрицы, принимает на себя роль структурирующего агента» [5, с. 298].

Возрастание роли культуры в процессе взаимодействия с социальной структурой прослеживается и в российском обществе.

Поскольку в российском обществе существуют классовые и вертикальные слоевые различия, то сохраняются также складывающиеся на их основе культурные различия. Однако характер влияния социоструктурных факторов меняется. Еще в начале 1970-х гг. З.И. Файнбург обратил внимание на специфический характер воздействия на личность социального происхождения: не столько через социально-экономический, сколько через социально-культурный статус семьи и соответствующей социальной группы. Был сделан вывод, что «культурные различия все в большей степени играют теперь роль причин, а не следствий сохранения социально-классовой дифференциации» [6, с. 104]. В этом проявляется, хотя и весьма противоречиво, рост значимости культуры, усиление ее обратного влияния на социально-экономические процессы.

Первичная социокультурная среда оказывает влияние, во-первых, через объем усвоенных личностью знаний и культурных навыков, во-вторых, через содержание наследуемых традиций, ценностей, образцов поведения и т.п. Если первое детерминирует уровень культуры личности, темпы ее культурного развития, то второе – главным образом направленность этого развития, хотя содержание культурных традиций и других элементов культуры тоже может либо тормозить развитие личности, либо способствовать ему.

Глубина воздействия первичной социокультурной среды на личность обусловлена тем, что здесь преобладает усвоение культуры в форме стереотипов, а также неформальный, личностный характер передачи культуры, предполагающий самостоятельную ценность для человека данного процесса как общения и его активность в этом процессе.

Неоднородность социокультурных условий первичной социализации определяет неравенство стартовых возможностей, шансов для самореализации и самоутверждения в обществе.

Все большее значение приобретают культурные различия, которые соотносятся не с вертикальными, а с горизонтальными социально-профессиональными различиями, как настоящими, так и будущими. Как показывают исследования, профиль образования (гуманитарное, техническое, естественно-научное) и соответствующие ему специальности являются в настоящее время одними из наиболее важных факторов культурной дифференциации студентов. Социальный состав студентов, получающих то или иное образование, неодинаков, поэтому наблюдаются различия в уровне культуры, но в процессе обучения они постепенно сглаживаются, и на первый план выходят различия в ценностных ориентациях, предпочтениях, интересах, т.е. в содержании культуры, которые связаны с совершенным личным выбором. Направление самореализации и будущее социально-профессиональное положение не предопределяются исходным социально-экономическим положением, следовательно, социокультурные различия формируются в основном на собственной, культурной, основе.

Различия в содержании культуры становятся наиболее заметными на переходном этапе развития российского общества, так как именно в таких, переходных, условиях возникает конфликт между старыми и новыми ценностями.

В начале 90-х гг. на основе методологии М. Вебера нами были выделены следующие социокультурные типы: современный, традиционный и маргинальный. Под социокультурным типом понимается устойчивая система ценностей, норм, установок и соответствующий им характер социального поведения. Применение веберовской методологии, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку в России в настоящее время происходит процесс становления капитализма. Первые два типа соотносятся с «духом капитализма» и «традиционализмом», но, поскольку они сформировались в современных и специфических российских условиях, полного совпадения в характеристиках быть не может. Маргинальный тип является промежуточным и несет в себе основные противоречия переходного этапа. Данные типы получили эмпирическое подтверждение в ряде социологических исследований.

Наибольшими шансами для достижения высокого социального статуса обладают представители современного типа, для которых характерны высокие объективные и, особенно, субъективные показатели конкурентоспособности. К объективным относятся высокий уровень образования, трудовая мобильность, освоение новых видов экономической деятельности. Комплекс субъективных показателей образуют такие личностные черты, как инициативность, самостоятельность, уверенность в своих силах и в своем будущем (даже в случае потери работы уверены, что смогут без особых проблем найти новую работу), ориентации на предпринимательскую деятельность и высокий

социально-экономический статус при наличии установки на интенсивный труд. Для учащихся и студентов, значительная часть которых принадлежит к этому типу, характерна высокая потенциальная конкурентоспособность: усвоенные ориентации и установки, соответствующие рыночным условиям, подкрепляются активностью в сфере вторичной занятости. Таким образом, современный тип является основным социокультурным источником для формирования среднего класса (слоя высококвалифицированных и высокооплачиваемых наемных работников и слоев мелких и средних предпринимателей), а также для формирования высшего класса.

У тех, кто относится к маргинальному типу, средние или даже высокие объективные показатели конкурентоспособности сочетаются с низкими субъективными ее показателями (ориентации на стабильное положение и на гарантированность рабочего места и зарплаты, надежда на помощь государства, высокие материальные притязания и гедонистско-потребительская ориентация при нежелании повышать интенсивность своего труда). Поэтому для них наиболее вероятны перспективы пополнения слоя наемных работников средней квалификации или высокой, но преимущественно в государственном секторе, а также резервной рабочей силы (в настоящее время большинство безработных относятся к данному типу). Часть представителей маргинального типа ориентированы на занятие предпринимательской деятельностью, но собственное дело не является ценностью, следовательно, предпринимательство – это всего лишь вынужденная мера, средство выживания.

Самым низким потенциалом для успешной деятельности в условиях рынка обладают представители традиционного типа. Об этом свидетельствуют ориентация на простой и привычный труд, непритязательность, отсутствие установки на интенсивный труд, патерналистские настроения и низкая мобильность. К тому же образовательно-квалификационные характеристики тоже невысоки. Поэтому они являются в основном претендентами на занятие рабочих мест, требующих низкой или средней квалификации, и на пополнение группы безработных. Из них же формируется деклассированный слой вследствие разрушения традиционных ценностей и норм без их замены новыми.

Значимость субъективных характеристик в процессе адаптации к современным социально-экономическим условиям и тот факт, что указанные типы сейчас есть в различных социальных группах, но в разных пропорциях, служат основанием для вывода о преобладающем влиянии культуры на социальное положение человека. Принадлежность к тому или иному социокультурному типу означает наличие определенной жизненной стратегии, различную степень и направленность активности, выбор соответствующей сферы приложения сил и способностей, определенный характер экономического и политического поведения и определяет в конечном счете занимаемую в обществе социальную позицию. Культура становится одним из основных структурообразующих факторов.

Но все же отмеченные различия в ориентациях и установках тоже обусловлены социальными факторами. Как было установлено в ходе исследований, на их формирование оказывают влияние не только возраст и образование (самого индивида и его родителей), но и тип поселения в детские и школьные годы, социальное и материальное положение родительской семьи, собственный социальный статус, являющийся предпочтительным по тому или иному параметру.

Таким образом, социальное неравенство имеет как социально-экономическую, так и культурную природу. Даже те культурные различия, которые в большей степени формируются на собственной, культурной, основе, имеют далеко идущие социальные следствия.

Сильно отличается от всех вышеизложенных точка зрения Л.Г. Ионина, который опирается в своем анализе соотношения культуры и социальной структуры на работы различных западных авторов, пишущих о проявлениях и тенденциях перехода к постсовременному, постклассовому обществу. Признавая противоположность ситуации в России той, что наблюдается в развитых индустриальных странах, он тем не менее переносит характерные для западных стран тенденции на российское общество, приводя в качестве доказательств следующие факты [5, с. 285–288]:

- резкое увеличение в России разных жизненных форм и стилей, которые не сводятся к классовым или слоевым определениям, а имеют исключительно культурное происхождение;

- условность и подвижность профессиональной структуры в связи с необходимостью подработок в свободное время ради выживания, что приводит к разрушению классово-слоевых идентификаций;

- повышение роли аскриптивных природных характеристик (пола, возраста, цвета кожи и т.п.), а также аскриптивных статусов другого рода, связанных с выбором жизненного и культурного стиля и обусловленных массовой дезидентификацией, что ведет к снижению «достиженческих» ориентаций и поведения;

- широта предложений в области образования, которая способствует не столько вертикальной, сколько горизонтальной дифференциации по формам и стилям жизни;

- утрата мотивирующей силы социальной мобильности вследствие отсутствия стабильной и единообразной шкалы престижа профессий (для кого-то престижны одни профессии, для кого-то – другие).

Можно согласиться с существованием указанных фактов в российском обществе, но вызывают сомнения масштабность некоторых из них и однозначность их трактовки. Так, широкое распространение вторичной занятости не является, по нашему мнению, препятствием для восстановления классовых и слоевых идентификаций при стабилизации социально-экономической ситуации, так как вторичная занятость в основном имеет вынужденный характер

и приносит чаще всего не основной, а дополнительный доход. При наличии достойной зарплаты большинство предпочтет работать на одном месте и по своей профессии, достигая здесь больших успехов и имея больше времени для семьи, удовлетворения культурных потребностей. Повышение роли аскриптивных природных характеристик в настоящее время в значительной мере обусловлено массовым нарушением трудового законодательства и Конституции РФ в частном секторе экономики. Широта предложений в сфере образования неразрывно связана с ее коммерциализацией, которая ограничивает свободу выбора и делает малодоступным высокое и качественное образование для молодежи из семей с низким доходом. Снижение мотивирующей роли социальной мобильности не подтверждается результатами исследований. Например, в массовом исследовании 2007 г. среди молодежи разных типов поселений Пермского края ориентация на карьеру как трудовую и жизненную ценность была зафиксирована у трети опрошенных учащихся и студентов, половина назвала желание делать карьеру в качестве мотива продолжения образования.

Анализируя различные точки зрения, Ионин отмечает наличие такой дилеммы: являются ли жизненные силы и культурные стили «свободнопарящими формами», оторванными от социального субстрата, или они изначально скоординированы с позициями в социальной структуре. Отдавая предпочтение первому варианту, он делает вывод об исчезновении социального неравенства как социальной проблемы: «Социальное неравенство остается, но оно депроблематизируется, так как основывается на аскриптивных статусах (принадлежность к жизненной или культурной форме)... Таким образом, плюрализация жизненных или культурных форм ведет к плюрализации неравенств, но исчезает неравенство как таковое, неравенство с большой буквы...» [5, с. 295]. Данную позицию можно рассматривать либо как предвосхищение будущего, если и возможного, то весьма отдаленного для российского общества, либо как оправдание существующего социального неравенства.

Поскольку проблема взаимодействия культуры и социальной структуры тесно связана с проблемой социального неравенства, ее изучение имеет не только научное, но и практическое значение. Если даже в нынешних условиях тенденция такова, что социальное неравенство как таковое исчезает само по себе, то у государства нет никаких обязательств в этом плане перед своими гражданами, каждый отвечает за себя сам. Если же признается не только сохранение, но и углубление социального неравенства, то социальное государство, а именно таким государством позиционирует себя Россия, обязано проводить активную социальную политику, направленную на устранение наиболее грубых форм неравенства, на выравнивание стартовых возможностей, обеспечение реального равноправия вне зависимости от социального положения, профессии, места жительства, национальности, пола, возраста, религии.

Библиографический список

1. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
3. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
4. Бурдье П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000.
6. Файнбург З.И. Культурная дифференциация в социалистическом обществе и некоторые ее социальные следствия //Личность, группа, общество (социологические проблемы труда, высшего образования и культуры): сб. науч. тр. / Перм. политехн. ин-т. – Пермь, 1971. – № 90.

Получено 7.07.2010